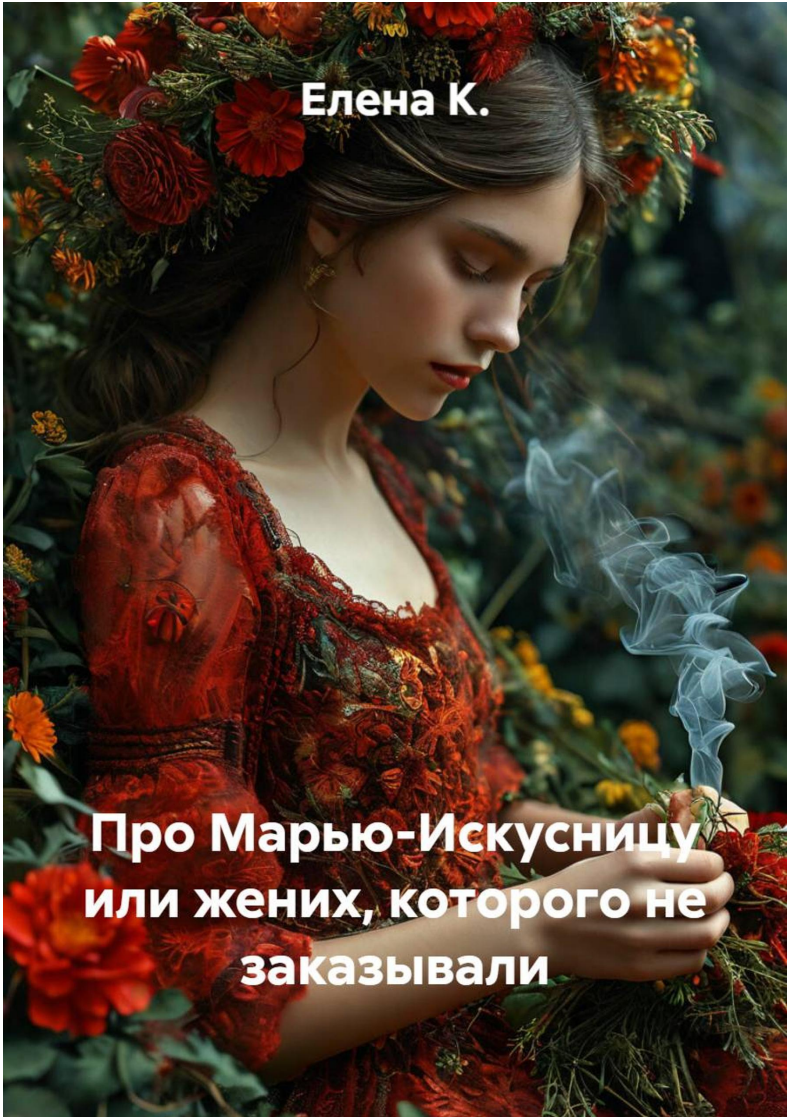
Елена К.
Про Марью-Искусницу или жених, которого не заказывали

Елена К.

Про Марью-Искусницу или жених, которого не заказывали

https://litres.ru/74296982
SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как судьба любит подшучивать над самыми продуманными планами.

Марья — не просто мастерица: её руки творят чудеса, а в каждом узоре прячется маленькая магия. Она уверена: её путь — это ремесло, тишина мастерской и радость от того, что её вещи согревают чужие дома. Но деревня решает иначе: без ведома Марьи ей подбирают жениха — важного, правильного, совершенно чужого.С этого момента привычная жизнь рассыпается, как недоплетённый узор. Марье предстоит не только отстоять право выбирать свой путь, но и разгадать тайну странных знаков на новых полотнах — знаков, которые появляются сами и будто шепчут о грядущих переменах. А ещё — понять, кто на самом деле достоин стоять рядом с ней: тот, кого выбрали другие, или тот, кто разглядел в ней не «идеальную невесту», а живую, упрямую, талантливую Марью.Тёплая, озорная и по-настоящему душевная сказка о

смелости быть собой, силе ремесла и любви, которая приходит не по расписанию.

Содержание

Все Главы 5
Глава 1. Перо и одна очень неудобная примета 6
Глава 2. Дорога к старой берёзе и шёпот корней 18
Глава 3. Первый серьёзный выбор 27
Глава 4. Первые последствия и новые загадки 34
Глава 5. Попытка достать перо и неожиданная помощь 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Елена К.
Про Марью-Искусницу или жених, которого не заказывали

Все Главы

Глава 1. Перо и одна очень неудобная примета

Утро началось с того, что Марья уронила прялку на ногу.

— Ай! — вскрикнула она, подпрыгнув и тут же прикусив язык: бабушка строго-настрого запрещала ругаться до первого петуха. А петуха всё не было слышно. И это уже само по себе было дурной приметой.

Марья вздохнула, потёрла ушибленный палец и, чтобы соблюсти приличия, пробормотала:

— Прости, батюшка домовой, не со зла. Просто я сегодня с левой ноги встала, а это, как известно, хуже любой порчи.

Тишина в избе была такой густой, что слышно было, как в углу шуршит мышь, будто старательно делает вид, что её тут нет. А потом прялка, лежавшая на полу, вдруг сама собой чуть-чуть подползла ближе к лавке — ровно настолько, чтобы Марье оставалось только наклониться и подхватить её.

— Спасибо, — буркнула Марья, усаживаясь. — Хоть кто-то тут меня понимает.

Она взялась за веретено, но крутилось оно как-то лениво, будто не хотело работать. Марья покосилась на окно: за мутным стеклом висел густой туман, стелился по огороду, цеплялся за плетень и будто нарочно не хотел рассеиваться. Он

был такой плотный, что даже петушиный крик сквозь него не пробился бы, даже если бы петух вдруг решил прокричать не один раз, а все двенадцать, как на ярмарке.

— Ну, хоть бы один день без примет, — снова пробормотала Марья. — Хоть бы просто день. Без знамений, без пророчеств, без «а я же говорила».

Не успела она это сказать, как в щель между брёвнами влетело перо. Не гусиное, не лебединое — золотое, с прожилками, будто внутри у него текла живая искра. Оно кружилось в воздухе, как упрямый мотылёк, который не хочет садиться, и наконец опустилось прямо на клубок шерсти, будто решило: «Вот тут я и буду жить».

Марья замерла.

— Это что ещё за шутки? — строго спросила она, будто перо могло ответить.

Перо не ответило. Но зато в избе вдруг стало слышно, как трещит половица, как шуршит за печкой мышь и как где-то далеко, в лесу, кто-то тихо смеётся — не по-доброму, а так, будто знает что-то, чего не знает Марья. И от этого смеха у неё по спине пробежал неприятный холодок, который она тут же попыталась прогнать привычным ворчанием:

— Да ладно, это просто ветер. Или леший чихнул. Или вообще ничего.

Но перо на клубке слегка дрогнуло, будто в ответ на её слова, и прожилки в нём на миг вспыхнули тусклым светом, как угли в остывающей печи.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась бабка Лукерья, местная знахарка и главный источник всех новостей в селе. Она влетела, как вихрь, с таким видом, будто знала всё на свете — и даже то, что Марья только что подумала про лешего.

— А я знала! — заявила она с порога, не здороваясь. — Я ещё вчера говорила: если туман до полудня не спадёт, жди беды. А теперь вот и перо.

— Да какое перо? — устало спросила Марья, будто это был самый обычный день, а не начало катастрофы. — Может, птица мимо летела.

— Не мимо, — отрезала Лукерья. — Это перо жар-птицы. А жар-птица просто так перья не роняет. Это знак.

— Какой ещё знак?

— Сватовство, — торжественно произнесла бабка, подняв палец. — Или проклятие. Или и то, и другое.

Марья закатила глаза.

— Опять? Да я в прошлом месяце от трёх сватов отбилась! Один предлагал мне жить в тереме, но кормить его пирогами каждый день. Второй хотел, чтобы я вышивала ему рубахи на все случаи жизни — включая поминки. А третий вообще думал, что если я умею ставить ловушки на лешего, то и медведя приручу.

Лукерья только хмыкнула, будто всё это была сущая ерунда по сравнению с тем, что ждало впереди.

— Теперь не отбиться, — сказала она. — Перо — это не

сват с мешком пряников. Это судьба. И она у тебя теперь простая: за семь дней выбрать жениха, иначе земля под селом разверзнется и утянет нас всех в Навь.

— Что-о?! — Марья вскочила, уронив клубок. — Да кто такое сказал?!

— Древняя примета, — невозмутимо ответила Лукерья. — Записана в книге, которую никто не читал, но все боятся.

— И что, если я никого не выберу, село провалится?

— Именно. Или если выберешь не того — тоже провалится. Тут нюанс.

Марья схватилась за голову.

— Да это же бред!

— Бред, но рабочий, — спокойно сказала Лукерья. — Так что готовься. Сваты уже идут.

И будто в подтверждение её слов за окном послышался скрип колёс и чей-то громкий голос:

— Эй, хозяйка, принимай гостя!

Марья посмотрела на золотое перо, которое теперь лежало на её ладони и слегка пульсировало, как живое. Оно было тёплым, почти горячим, и от него по коже бежали мурашки, будто кто-то водил по ней перышком из чистого света.

— Ладно, — сказала она себе, пряча перо в карман передника. — Если уж судьба решила устроить смотрины, пусть хотя бы пироги будут свежими.

Лукерья хмыкнула и, не дожидаясь приглашения, прошла к печи, где на загнетке стоял чугунок с кашей.

— Ты ещё скажи, что сама печь растопила, — проворчала она, приподнимая крышку и нюхая. — А то я знаю эти твои пироги: один раз испечёшь, а потом три дня вспоминаешь, как тесто не поднялось.

— Сама растопила, — буркнула Марья. — И тесто поднялось. Просто оно поднялось и тут же решило, что ему тут не нравится, и опустилось обратно.

— Вот это и есть твоя беда, — наставительно сказала Лукерья. — Ты со всем так: сначала делаешь, потом думаешь, а потом удивляешься, почему леший тебе ловушки портит, а домовой прялку двигает.

— Домовой двигает, потому что я ему нравлюсь, — возразила Марья.

— Домовой двигает, потому что ему скучно, — парировала Лукерья. — А вот леший… тот вообще с характером.

За окном снова скрипнули колёса, и голос стал ближе:

— Хозяюшка, выходи, не прячься! Я тебе гостинец вёз, да по дороге чуть не уронил!

Марья поморщилась.

— Кто это? — прошептала она.

— Да кто ж его знает, — пожала плечами Лукерья. — Может, купец. Может, богатырь. А может, тот самый, про которого в примете сказано: «выберешь не того — и село провалится».

— Очень смешно, — мрачно сказала Марья.

— Я и не смеюсь, — серьёзно ответила Лукерья. — Я пре-

дупреждаю.

Марья подошла к окну и осторожно выглянула в щель. На дороге стоял воз, запряжённый крепким гнедым конём. На козлах сидел парень в расшитой рубахе, с румяным лицом и таким видом, будто он сам верил, что приехал спасать мир — или хотя бы одно село. Рядом с ним лежал мешок, из которого торчал край расписного подноса.

— Поднос, — тихо сказала Марья. — Значит, точно свататься.

— Или торговать, — попыталась утешить её Лукерья.

— С подносом? В наше село? Да у нас тут даже ярмарки не бывает, только раз в год, когда медведь на опушке пляшет.

— Медведь не пляшет, — строго сказала Лукерья. — Медведь просто бегает кругами, потому что у него блохи. А ты опять всё преувеличиваешь.

— Я не преувеличиваю, — возразила Марья. — Я запоминаю. Потому что если медведь вдруг начнёт плясать, я хочу быть готовой.

Парень на козлах заметил, что в избе кто-то шевелится, и радостно замахал рукой.

— Хозяюшка! Я тут! Привёз тебе кое-что особенное!

Марья закрыла ставню и повернулась к Лукерье.

— Скажи ему, что меня нет, — попросила она шёпотом.

— Скажу, — кивнула Лукерья. — Но он не поверит. У него вид такой… настойчивый.

— Тогда скажи, что я уехала.

— Куда?

— В лес. К лешему. За советом.

— К лешему? — Лукерья подняла бровь. — Да он тебе такого совета даст, что потом неделю будешь жалеть.

— Зато сватов отпугнёт, — мрачно сказала Марья.

Лукерья вздохнула и покачала головой.

— Эх, Марья… Ты бы лучше подумала, как проклятие снимать. Потому что перо не просто так прилетело. Оно ведь не только знак, оно ещё и ключ.

— Ключ к чему? — спросила Марья.

— К тому, что ты сама не знаешь, — загадочно ответила Лукерья. — Но скоро узнаешь.

И тут перо в кармане Марьи вдруг дёрнулось, будто хотело выскочить, и обожгло ей бок лёгким теплом. Марья невольно охнула и схватилась за карман.

— Чувствуешь? — тихо спросила Лукерья. — Оно тебя зовёт. Или предупреждает. Или просто нервничает. С этими перьями никогда не поймёшь.

— Я вообще ничего не понимаю, — призналась Марья. — Почему именно я? Почему семь дней? Почему нельзя просто жить, прясть, ставить ловушки и не думать о женихах?

— Потому что так устроена жизнь, — сказала Лукерья. — Она всегда подкидывает что-то неожиданное. То перо, то свата, то лешего на пороге. Главное — не терять голову.

— Легко тебе говорить, — буркнула Марья. — У тебя ни сватов, ни проклятий.

— У меня свои, — спокойно ответила Лукерья. — Просто они тихие. И приходят по ночам.

За окном снова раздался голос:

— Хозяюшка, ну хоть словечко скажи! Я тут стою, как дурак, а конь уже нервничает!

Марья посмотрела на Лукерью, потом на печь, потом на прялку, которая снова чуть-чуть подвинулась, будто подбадривала: «Ну, иди. Ты же Марья-Искусница. Ты со всем справишься».

— Ладно, — вздохнула она. — Выйду. Но только чтобы сказать, что меня не интересуют женихи.

— Хорошо, — кивнула Лукерья. — Только сначала надень платок. И фартук свежий. И улыбнись хоть чуть-чуть. А то он решит, что ты его проклинаешь.

— Я его и проклинаю, — пробормотала Марья, повязывая платок. — Мысленно.

Она вышла на крыльцо, щурясь от утреннего света, который наконец-то пробился сквозь туман. Парень на козлах расплылся в улыбке, будто увидел не просто женщину, а саму весну.

— Вот и славно! — радостно сказал он. — Я ведь сразу понял: тут живёт особенная женщина. У вас тут даже воздух другой.

— Воздух тут такой, потому что леший курит, — сухо сказала Марья.

Парень моргнул.

— Курит?

— Метафорически, — пояснила Марья. — В смысле, он тут всё время что-то поджигает. То мох, то старые пни. Говорит, что это ритуал. Я говорю, что это пожароопасно.

Парень неловко улыбнулся.

— Ясно… Ну, я тут… привёз вот… — Он снял с воза расписной поднос и протянул его Марье. — Ручная работа. Для такой хозяйки, как ты.

Марья посмотрела на поднос, потом на парня, потом снова на поднос.

— Спасибо, — сказала она, стараясь говорить вежливо. — Очень красивый. Но я не беру подарков от незнакомых людей. Особенно если они приехали свататься.

Парень покраснел.

— Так заметно?

— Заметно, — подтвердила Марья. — У тебя на лбу написано: «Ищу невесту».

— На лбу? — он потрогал лоб, будто хотел стереть надпись.

— Фигурально, — вздохнула Марья. — Слушай, я тебе честно скажу: я не хочу замуж. Ни сейчас, ни через семь дней, ни вообще. У меня дел полно: прясть, вышивать, ловушки ставить, с лешим договариваться…

— А если я помогу? — вдруг предложил парень. — Я, может, и не мастер, но руки прямые. И с лешими, говорят, у меня лада нет, но зато я хорошо умею уговаривать коней.

Марья чуть не рассмеялась, но вовремя сдержалась.

— Коней уговаривать — это хорошо, — сказала она. — Но леший не конь. Он хитрее. И обидчивее.

— Значит, я буду учиться, — твёрдо сказал парень. — Потому что… ну, мне кажется, что тут, в вашем селе, происходит что-то важное. И я хочу быть частью этого. Даже если ты меня не выберешь.

Марья нахмурилась.

— Почему это «даже если»? Ты что, знаешь про проклятие?

Парень пожал плечами.

— Про проклятие не знаю. Но про перо знаю. В городе говорили, что жар-птица начала терять перья, и где они падают, там начинаются перемены. Большие.

Марья похолодела.

— Кто говорил?

— Странник один, — ответил парень. — Сказал, что это знак: мир готовится к чему-то новому. И что те, кто окажутся в центре этих перемен, либо станут героями, либо… ну, сами понимаете.

— Понимаю, — тихо сказала Марья. — Спасибо, что предупредил.

Парень снова протянул поднос.

— Возьми. Хоть как память. Или как знак, что я тут был. И что я не сдаюсь.

Марья посмотрела на поднос, на парня, на туман, который

наконец начал рассеиваться, обнажая крыши домов и верхушки деревьев. И вдруг поняла, что отступать некуда: ни от пера, ни от проклятия, ни от этого настойчивого парня, который, кажется, действительно верил, что может быть полезен.

— Ладно, — сказала она, беря поднос. — Спасибо. Но это не значит, что я согласна.

— Знаю, — улыбнулся парень. — Но это значит, что ты меня выслушаешь. Когда будет время.

Он сел обратно на козлы, щёлкнул вожжами, и конь тронулся с места, увозя возок прочь по дороге, которая вилась между полями и исчезала где-то за лесом.

Марья стояла на крыльце, держа в руках расписной поднос, и смотрела вслед, пока воз не скрылся из виду. А потом вернулась в избу, где Лукерья уже разливала по чашкам травяной чай.

— Ну что, — сказала бабка, протягивая чашку. — Теперь ты знаешь: это не просто сватовство. Это начало чего-то большего.

— Чего? — спросила Марья, садясь на лавку.

— Того, что ты сама должна понять, — ответила Лукерья. — Но перо тебе поможет. Если ты не будешь его бояться.

Марья достала перо из кармана и положила его на стол. Оно больше не пульсировало, но всё ещё было тёплым. И в прожилках его мерцал слабый свет, будто внутри тлел крошечный огонёк.

— Я его не боюсь, — тихо сказала Марья. — Я просто не хочу, чтобы из-за него село провалилось.

— Тогда придётся действовать, — сказала Лукерья. — Завтра пойдём к старой берёзе на опушке. Там живёт одна вестница, которая знает про жар-птицу больше всех. Она подскажет, как снять проклятие.

— Или скажет, что его нельзя снять, — мрачно добавила Марья.

— Или скажет, — спокойно согласилась Лукерья. — Но тогда ты хотя бы будешь знать правду. А это уже половина дела.

Марья кивнула, глядя на перо. И впервые за утро ей показалось, что она не одна в этой истории. Что кто-то или что-то ведёт её по дороге, которую она ещё не видит. И что впереди её ждёт не только сватовство и проклятие, но и что-то настоящее — такое, ради чего стоит рискнуть.

Глава 2. Дорога к старой берёзе и шёпот корней

Утро выдалось на редкость ясным — будто сама природа решила подбодрить Марью: мол, если уж идти разгадывать проклятия, пусть хоть солнце светит. Но Марья не обольщалась. Она знала: в их краях хорошая погода частенько бывает просто маскировкой для какой-нибудь большой неприятности.

— Не хмурься, — сказала Лукерья, завязывая на поясе холщовую сумку, в которой позвякивали склянки, сушёные травы и что-то подозрительно похожее на мышиный хвост (хотя Лукерья уверяла, что это корень девясила). — Солнце — это хорошо. В темноте вестница не разговаривает. Говорит, что тени ей мешают видеть правду.

— А мне мешает видеть правду то, что я вообще в это ввязалась, — буркнула Марья, поправляя платок. Перо жар-птицы она спрятала в ладанку на шее — так оно меньше обжигало кожу, но всё равно чувствовалось: тёплое, будто живое, и временами чуть-чуть подрагивало, как будто прислушивалось к дороге.

Они вышли за околицу, где тропинка, петляя между кочек, уходила в лес. Тропинка была старая, местами почти заросшая, но кое-где на земле виднелись странные отметины:

не звериные следы, а будто кто-то проводил по земле широкой ладонью, оставляя неглубокие борозды.

— Это тролли, — коротко бросила Лукерья, заметив, что Марья разглядывает борозды. — Или не тролли. Или вообще никто. Но лучше не трогать.

— Замечательно, — пробормотала Марья. — Значит, у нас тут ещё и тролли.

— Тролли не тролли, а осторожность лишней не бывает, — строго сказала Лукерья. — Особенно когда на шее у тебя ключ к проклятию.

Марья невольно коснулась ладанки.

— Он правда ключ?

— Или приманка, — пожала плечами Лукерья. — Тут как повезёт.

Лес встретил их тишиной, которая была не просто отсутствием звуков, а чем-то плотным, будто сотканным из паутины и старых секретов. Даже птицы не пели — только изредка где-то вдалеке стучал дятел, да шуршали в траве невидимые существа.

— Странно тихо, — прошептала Марья.

— Лес слушает, — так же тихо ответила Лукерья. — Не говори громко. И не обещай ничего, даже случайно. Здесь слова имеют вес.

Тропа становилась всё уже, а деревья смыкались над головой, будто хотели скрыть путниц от неба. И тут Марья заметила, что мох на стволах растёт не так, как положено: не

снизу вверх, а кругами, словно кто-то обматывал деревья зелёными лентами.

— Это что, леший развлекался? — спросила она, стараясь говорить как можно будничнее, чтобы не выдать, что ей немного страшно.

— Леший не такой дурак, — хмыкнула Лукерья. — Это метки. Старые. Ещё с тех времён, когда лес был границей между мирами.

— Между какими мирами?

— Между теми, где живут люди, и теми, где живут… другие, — уклончиво ответила Лукерья. — Говорят, раньше здесь стояли врата. А когда их закрыли, лес взял их себе. И теперь он помнит.

Марья покосилась на бабку.

— И ты мне раньше этого не говорила?

— Раньше ты просила помочь ловушки на лешего ставить, а не историю мира слушать, — спокойно парировала Лукерья. — Да и не люблю я старые сказки без повода рассказывать. Они, как грибы: если много нарвать, потом всю ночь сниться будут.

Тропа вывела их на небольшую поляну, посреди которой стояла старая берёза. Она была не просто старой — она была древней: ствол в три обхвата, кора местами облупилась, обнажая тёмную, почти чёрную древесину, а ветви тянулись к небу, будто пытались дотянуться до чего-то недостижимого. Вокруг дерева земля была утоптана, но не ногами — скорее,

будто здесь часто сидели звери или… кто-то ещё.

— Вот она, — тихо сказала Лукерья. — Старая берёза. Здесь живёт вестница.

— Где? — Марья огляделась, но никого не увидела. — Я никого не вижу.

— Она не там, где ты смотришь, — сказала Лукерья и, подойдя к берёзе, провела ладонью по коре. — Здравствуй, хозяйка. Мы пришли за советом. Не ради любопытства, а по нужде.

Берёза не шелохнулась. Но вдруг воздух вокруг неё стал гуще, будто налился тяжестью, и из-под корней, из самой земли, поднялся лёгкий туман. Из тумана проступила фигура — не человеческая, не звериная, а словно сотканная из света и древесной коры. У неё были глаза, похожие на два тёмных омута, и длинные руки, которые казались продолжением ветвей.

— Знаю, зачем пришли, — голос вестницы звучал не из её уст, а будто из самого леса: одновременно отовсюду и ниоткуда. — У тебя перо жар-птицы. А перо — это слово, которое вырвалось из песни. И теперь оно ищет, к чему прирасти.

Марья сглотнула, но постаралась не показывать страха.

— Нам сказали, что если я за семь дней не выберу жениха, село провалится в Навь. Это правда?

Вестница склонила голову, будто прислушиваясь к чему-то далёкому.

— Правда… и неправда, — наконец ответила она. — Про-

клятие — это не условие, а зеркало. Оно показывает то, что уже есть. Село держится на равновесии: на труде, на памяти, на связях между людьми. А перо жар-птицы — это искра, которая может либо разжечь тепло, либо поджечь дом. Выбор жениха — лишь способ проверить, сможешь ли ты удержать равновесие, когда мир начнёт меняться.

— То есть… мне не обязательно выбирать кого-то, чтобы спасти село? — уточнила Марья.

— Тебе нужно выбрать не человека, а путь, — сказала вестница. — И человек, который окажется рядом, станет либо опорой, либо помехой. Но решать будешь ты. И сила будет в твоём решении, а не в том, кто стоит рядом.

Марья нахмурилась.

— Звучит как загадка.

— Так и есть, — спокойно ответила вестница. — Мир любит загадки. Особенно когда дело касается судьбы.

— А жар-птица? — вмешалась Лукерья. — Почему она теряет перья?

— Потому что мир меняется, — сказала вестница. — Жар-птица — хранительница границ. Когда границы дрожат, она теряет перья, как птица теряет оперение во время линьки. Каждое перо — это рубеж, который вот-вот изменится. И там, где перо падает, начинается новая история.

Она протянула руку — не к Марье, а просто в воздух — и туман вокруг неё заколебался, будто отражая невидимые волны.

— Береги перо, — сказала вестница, глядя прямо на Марью. — Оно не только ключ, но и маяк. Кто-то уже идёт по его свету. И не все, кто придёт, будут желать добра.

Марья почувствовала, как перо в ладанке снова дёрнулось, будто в ответ на слова вестницы.

— Кто идёт? — тихо спросила она.

— Тот, кто хочет собрать все перья, — ответила вестница. — Чтобы замкнуть границы навсегда. И тогда ни одно слово не сможет вырваться из песни. Ни одно чудо не сможет родиться.

Лукерья побледнела.

— Охотник за перьями?

— Да, — кивнула вестница. — Он уже близко.

Туман начал рассеиваться, и фигура вестницы стала таять, растворяясь в коре дерева.

— Время идёт, — прошептала она напоследок. — Семь дней — это не срок, а ритм. Как биение сердца. Не считай дни — чувствуй, когда придёт пора решать.

И с этими словами она исчезла, оставив после себя лишь лёгкий запах смолы и ощущение, будто лес глубоко вздохнул.

— Ну, — сказала Лукерья, вытирая лоб, хотя было не жарко. — Теперь ты знаешь чуть больше. И, боюсь, этого «чуть» хватит, чтобы всю ночь не спать.

— Я и так не буду спать, — мрачно сказала Марья. — Теперь мне ещё и охотника за перьями бояться.

— Бояться — дело хорошее, — заметила Лукерья. — Боишься — значит, осторожна. А осторожная мастерица — это живая мастерица.

Они повернулись, чтобы идти обратно, но Марья вдруг остановилась. На земле, у самых корней берёзы, лежал маленький предмет — тонкий серебряный обруч, покрытый резьбой, похожей на птичьи следы.

— Что это? — спросила она.

— Не трогай, — быстро сказала Лукерья, но было поздно. Марья уже подняла обруч.

В тот же миг в ушах у неё зазвучал тихий, едва уловимый шёпот — не слова, а скорее обрывки звуков, будто кто-то напевал песню на незнакомом языке. И в этом шёпоте слышалось имя… её имя.

— Это… — начала Марья.

— Подарок, — донеслось из ниоткуда, словно вестница ещё не совсем ушла. — Для того, кто готов слышать.

Марья посмотрела на обруч, потом на Лукерью.

— Думаешь, стоит надеть?

Лукерья вздохнула.

— Если ты хочешь слышать то, что обычно не слышат, — да. Но помни: иногда лучше не знать.

Марья помедлила, а потом решительно надела обруч на палец. Он оказался впору, будто был сделан специально для неё. И шёпот в ушах стал чуть громче, но не пугающим — скорее, похожим на далёкий голос, который звал её не к беде,

а к чему-то важному.

Обратный путь казался короче, но лес уже не был таким тихим. Теперь Марья слышала то, чего раньше не замечала: как шепчутся листья, как под землёй шевелятся корни, как где-то далеко, на опушке, кто-то тихо напевает ту самую песню из шёпота.

Когда они вышли к околице, солнце уже клонилось к закату, окрашивая крыши домов в медовый цвет. И на краю поля, там, где дорога уходила к соседним деревням, Марья заметила одинокую фигуру. Человек стоял неподвижно, глядя в сторону села. И хотя расстояние было большим, Марье вдруг показалось, что он смотрит прямо на неё.

— Кто это? — тихо спросила она.

Лукерья прищурилась.

— Не знаю. Но мне это не нравится.

Фигура постояла ещё немного, а потом медленно повернулась и пошла прочь, растворяясь в сумерках.

— Может, просто путник, — неуверенно сказала Марья.

— Может, — согласилась Лукерья. — Но я бы на твоём месте сегодня дверь на засов закрыла. И перо поближе держала.

Дома Марья сняла ладанку и положила перо на стол. Оно больше не пульсировало, но оставалось тёплым, будто хранило в себе частичку того разговора у берёзы. А обруч она надела на запястье — он сидел свободно, но не сползал, будто не хотел терять связь с ней.

За окном темнело, и в избе становилось уютно и спокойно. Но Марья знала: спокойствие это временное. И где-то там, в наступающей темноте, уже идёт тот, кто хочет собрать все перья. И ей предстоит решить, как она встретит этот новый рассвет — как испуганная девушка, которой навязали проклятие, или как мастерица, которая сама выбирает свой путь.

Глава 3. Первый серьёзный выбор

Ночь выдалась беспокойной. Марья ворочалась на лавке, то натягивая на себя одеяло, то сбрасывая его: то ей становилось невыносимо жарко, будто перо под ладанкой раскалилось докрасна, то вдруг пробирал такой холод, что зуб на зуб не попадал. А ещё в ушах то и дело вспыхивал тот самый шёпот — не слова, а обрывки мелодии, будто кто-то напевал песню, которую она когда-то знала, но забыла.

Под утро Марья сдалась. Она села, спустила ноги на пол и тут же наткнулась взглядом на серебряный обруч, лежавший на краю стола. Он тускло поблёскивал в первых лучах солнца, будто подмигивал: «Ну что, боишься?»

— Да ничего я не боюсь, — буркнула Марья, сама не зная, кому это говорит — себе, домовому или этому упрямому обручу. — Просто не люблю, когда меня торопят.

Она надела обруч на запястье, и шёпот тут же стал чётче — не громче, а будто яснее, как если бы кто-то снял с голоса вуаль. И в этом голосе она вдруг расслышала не просто мелодию, а слова: «…берегись, где свет — там и тень…»

— Ну спасибо, — проворчала Марья. — Очень конкретно.

В избе было тихо, только за печкой что-то шуршало — наверное, мышь решила, что хозяйка уже не спит, и можно

смело хозяйничать. Марья вздохнула, умылась ледяной водой из ковша, натянула сарафан, повязала платок и вышла во двор.

Село ещё спало. Даже петух, который обычно будил всех задолго до рассвета, сегодня решил сделать исключение. И от этой непривычной тишины становилось не по себе — будто село затаило дыхание и ждало, что сделает Марья.

На краю огорода, у плетня, стоял тот самый парень с подносом — Тихон. Он неловко переминался с ноги на ногу, держа в руках пучок полевых цветов, которые выглядели так, будто он рвал их в спешке, не разбирая, где ромашка, а где чертополох.

— Ты опять? — спросила Марья, стараясь, чтобы голос звучал строго, а не так, будто ей приятно, что он пришёл.

Тихон покраснел.

— Я… я подумал, что тебе может быть страшно, — выпалил он. — Ну, из-за проклятия. И решил, что если просто посижу тут, пока ты делами занимаешься, тебе будет спокойнее.

Марья хотела сказать что-нибудь резкое, вроде «мне не нужна нянька», но слова застряли в горле. Потому что в его неловкости было что-то удивительно правильное: он не пытался казаться героем, не обещал спасти весь мир — он просто принёс цветы и сказал, что будет рядом.

— Ладно, — наконец сказала она. — Если уж ты тут, помоги дрова наколоть. Только не вздумай рубить топором, как

богатырь: у меня топор старый, он от пафоса ломается.

Тихон улыбнулся и тут же принялся за дело. И, к удивлению Марьи, колол он не с размаху, а аккуратно, будто чувствовал дерево: не рушил, а помогал ему распасться на ровные поленья.

Пока он работал, Марья принялась разбирать клубок шерсти, который так и остался лежать с того самого утра, когда прилетело перо. Клубок будто нарочно путался, словно хотел напомнить: «Ты не можешь просто делать обычные дела, когда на кону судьба села».

И тут из-за поворота, грохоча телегой, вылетела Лукерья.

— А, вот вы где! — крикнула она, тормозя прямо посреди дороги. — Марья, бросай шерсть, некогда прясть! В лесу опять шум. Леший, говорят, по деревьям стучит так, что кора сыплется. А у старой берёзы видели тень — не человеческую, не звериную. Говорят, это он.

— Кто? — спросила Марья, хотя уже знала ответ.

— Охотник за перьями, — прошептала Лукерья, слезая с телеги. — И он ищет тебя.

Тихон замер с топором в руках.

— Кого ищет?

— Ту, у которой перо жар-птицы, — сказала Лукерья, глядя на Марью. — И если он его заберёт, не только село провалится. Мир потеряет ещё один рубеж.

Марья почувствовала, как обруч на запястье чуть-чуть нагрелся, будто предупреждая: «Сейчас ты должна решить».

— И что ты предлагаешь? — спросила она, стараясь говорить спокойно. — Спрятать перо? Уехать? Отдать его кому-нибудь, чтобы охотник ушёл?

Лукерья покачала головой.

— Перо нельзя просто отдать. Оно выбирает того, кто готов его нести. Если ты попытаешься избавиться от него из страха, оно всё равно к тебе вернётся. А охотник станет только злее.

— Тогда что? — почти выкрикнула Марья. — Что мне делать?

Лукерья посмотрела на неё долгим взглядом, в котором было и сочувствие, и строгость.

— Ты должна встретить его. Не как испуганная девушка, а как хозяйка своей судьбы. Пусть он увидит, что ты не просто хранишь перо — ты понимаешь, что оно значит.

Тихон осторожно положил топор.

— Я пойду с тобой, — сказал он.

— Не надо, — начала Марья.

— Надо, — твёрдо сказал он. — Я не герой, я знаю. Но я умею слушать лес. И если там кто-то чужой, я замечу это раньше, чем ты.

Марья посмотрела на него и вдруг поняла: её первый серьёзный выбор — это не «бежать или остаться», не «спрятаться или сражаться». Её выбор — кому позволить быть рядом в момент, когда придётся смотреть в глаза опасности.

— Хорошо, — сказала она. — Ты пойдёшь со мной. Но

если леший начнёт кидаться шишками, ты первый бежишь. Договорились?

Тихон усмехнулся.

— Договорились. Но шишки я ловить умею.

Лукерья одобрительно кивнула.

— Вот и славно. Значит, идём к опушке. Там, где тропа уходит в чащу, его чаще всего видят.

Они двинулись по дороге, и село провожало их тишиной. Даже собаки не лаяли, будто чувствовали: сегодня происходит что-то важное.

Когда они подошли к опушке, воздух стал густым, будто напитанным ожиданием. Листья шелестели не от ветра, а будто переговаривались между собой. И вдруг из-за дерева вышел человек.

Он был одет в тёмный плащ, капюшон скрывал лицо, но даже так чувствовалась его уверенность — будто он знал, что победа уже у него в кармане. В руке он держал тонкий металлический стержень, похожий на иглу, но Марье почему-то казалось, что это не инструмент, а оружие.

— Наконец-то, — голос у него был спокойный, почти вежливый, от чего становилось ещё страшнее. — Я искал тебя, хранительница пера. Отдай его мне, и я уйду. Село останется на месте. Мир останется таким, каким был.

Марья сжала кулаки. Перо под ладанкой горело, будто хотело вырваться. Обруч на запястье пульсировал в такт её сердцебиению.

— А если я не отдам? — спросила она.

Охотник чуть наклонил голову.

— Тогда я заберу его сам. И тогда равновесие нарушится. Но не так, как ты думаешь. Село не провалится. Просто мир станет… плоским. Без чудес. Без границ. Без песен.

Тихон шагнул вперёд, закрывая Марью собой.

— Она не отдаст, — сказал он. — Потому что чудеса нужны. Даже если они пугают.

Охотник посмотрел на него с любопытством, будто увидел что-то новое.

— Ты тоже чувствуешь? — спросил он. — Значит, и ты часть этого мира. И тоже можешь потерять всё, если она ошибётся.

Марья вдруг поняла, что её выбор — это не только про перо. Это про то, какой мир она хочет видеть вокруг себя: мир, где есть место чудесам, страху, ошибкам и надежде. Мир, где люди не боятся быть рядом, даже когда страшно.

— Я не отдам перо, — сказала она твёрдо. — Не потому, что я такая смелая. А потому, что если мир станет плоским, я не смогу ни прясть, ни смеяться, ни ставить ловушки на лешего. Я не хочу такого мира.

Охотник долго смотрел на неё. Потом медленно опустил руку с иглой.

— Ты сделала свой выбор, — сказал он. — Но знай: это только начало. Мир меняется, и перья будут падать ещё. Кто-то будет их собирать. Кто-то — хранить. А кто-то — терять.

И каждый выбор будет иметь цену.

Он повернулся и пошёл прочь, растворяясь в тени деревьев. И когда он исчез, лес будто выдохнул, сбрасывая напряжение.

Тихон обернулся к Марье.

— Ты как? — тихо спросил он.

— Как будто из меня вытащили гвоздь, о который я всё время спотыкалась, — призналась Марья. — Теперь я знаю, что не могу прятаться.

Лукерья подошла и положила руку ей на плечо.

— Молодец, — сказала она. — Первый выбор всегда самый тяжёлый. Дальше будет легче. Или страшнее. Но ты уже знаешь, что можешь.

Солнце поднялось выше, и на опушке стало светло и почти буднично. Где-то в лесу дятел стучал по дереву, будто отбивал ритм новой истории.

— Пойдём домой, — предложила Марья. — Я испеку пирог. И пусть он будет кривым. Зато он будет настоящим.

И они пошли обратно, мимо старой берёзы, мимо тропинок, по которым ходили и люди, и духи, и охотники за перьями. Марья чувствовала, как перо под ладанкой остывает, возвращаясь к своему обычному тёплому свету. А обруч на запястье тихо шептал что-то ободряющее — будто говорил: «Ты справилась. А впереди ещё много дорог».

Глава 4. Первые последствия и новые загадки

С того дня, как Марья отказалась отдать перо охотнику, в селе начали происходить вещи, которые старожилы называли «не по-людски», а молодёжь — с восторгом — «настоящим чудом».

Сначала всё было почти незаметно. У бабки Настасьи, которая каждый год жаловалась, что огурцы не растут, вдруг на грядке сами собой завязались пучки плодов — ровные, зелёные, будто нарисованные. Причём росли они не как обычно — от стебля вверх, а по спирали, будто кто-то невидимый аккуратно их закручивал.

Потом у кузнеца Егора молот вдруг сам собой поднялся и ударил по наковальне — ровно три раза, будто подавал сигнал. Кузнец побледнел, перекрестился и с тех пор старался не смотреть в сторону наковальни, будто боялся, что она снова начнёт разговаривать.

А на краю села, у старого колодца, где вода всегда была мутной, вдруг пробился новый родник. Вода в нём была такой прозрачной, что в ней можно было разглядеть не только камешки на дне, но и собственные мысли — по крайней мере, так шептались бабы на рынке, собираясь кучками и по-

глядывая в сторону Марьиного дома.

И чем больше чудес случалось, тем громче становился шёпот: «Это она. Это из-за неё. У неё перо жар-птицы».

Марья старалась делать вид, что ничего не замечает. Она пряла, чинила крышу, ставила ловушки на лешего (хотя теперь леший, кажется, сам обходил её ловушки стороной, будто уважал мастерство) и старалась не думать о том, что село будто пробуждается от долгого сна — и не все были этому рады.

Однажды утром к ней пришла Лукерья — не как обычно, с ворчанием и советом, а с видом человека, который несёт важную весть.

— В лесу опять шум, — сказала она, не здороваясь. — Леший не просто стучит по деревьям — он поёт. А леший не поёт просто так. Он поёт, когда чувствует, что граница дрожит.

— Граница между мирами? — уточнила Марья, вспоминая слова вестницы.

Лукерья кивнула.

— Именно. И чем больше чудес в селе, тем сильнее дрожит граница. Перо не просто лежит у тебя в ладанке — оно работает. Оно как маяк: притягивает то, что должно проявиться, и выпускает то, что долго пряталось.

Марья невольно коснулась ладанки.

— То есть это я виновата, что у кузнеца молот заговорил?

— Не виновата, — спокойно сказала Лукерья. — Ты —

ключ. А ключ не выбирает, какую дверь открывать. Но он должен быть готов к тому, что за дверью окажется.

В этот момент в дверь постучали. Марья вздохнула, будто уже знала, кто там, и пошла открывать. На пороге стоял Тихон. В руках у него был не поднос и не цветы, а старая, потрёпанная книга в кожаном переплёте.

— Я нашёл это в доме деда, — сказал он, протягивая книгу. — Он всегда говорил, что это «не для чужих глаз», но теперь мне кажется, что она должна быть у тебя. Тут про границы, про перья, про тех, кто их собирает… и про тех, кто должен их хранить.

Марья взяла книгу и осторожно открыла. Страницы были исписаны мелким, почти неразборчивым почерком, а между строк виднелись рисунки: птицы с огненными крыльями, круги, похожие на лабиринты, и странные символы, которые будто шевелились, если долго на них смотреть.

— Откуда у твоего деда такое? — спросила она.

Тихон пожал плечами.

— Он говорил, что его род когда-то охранял границы. Но никто ему не верил. Думали, старик фантазирует. А теперь… теперь мне кажется, он говорил правду.

Лукерья склонилась над книгой и провела пальцем по одному из символов.

— Это знак хранителей, — тихо сказала она. — Очень старый. Его почти нигде не встретишь. Если твой дед его хранил, значит, он действительно знал больше, чем говорил.

Марья посмотрела на Тихона. В его взгляде было не ожидание похвалы, а скорее тревога — будто он боялся, что теперь на него тоже ляжет какая-то ответственность.

— Ты не обязан быть частью этого, — сказала она тихо. — Я сама справлюсь.

— А я не хочу справляться один, — ответил он. — И не хочу, чтобы ты справлялась одна. Мы же команда, разве нет? Даже если наша команда — это мастерица, знахарка и парень, который умеет уговаривать коней.

Марья чуть не рассмеялась, но вовремя сдержалась — смех сейчас был бы слишком хрупким, будто мог разбиться о надвигающуюся опасность.

— Ладно, — сказала она. — Тогда давай посмотрим, что тут написано. Может, найдём подсказку, как удержать границу, чтобы село не провалилось, а молоты не пели.

Они сели за стол, и Лукерья начала читать вслух. Слова были тяжёлыми, будто каждое имело свой вес и не хотело легко слетать с языка. В книге рассказывалось о том, как когда-то мир был разделён на множество слоёв, и жар-птица летала между ними, поддерживая равновесие. Каждое её перо было как нить, связывающая эти слои. И когда перья начинали падать, нити рвались, и мир становился тоньше — а значит, уязвимее.

— Вот, — сказала Лукерья, указывая на абзац. — «Тот, кто собирает перья, хочет сшить из них непроницаемую завесу. Тогда ничто не сможет проникать из одного мира в дру-

гой. Ни чудо, ни беда, ни надежда».

— То есть охотник хочет сделать мир плоским, — прошептала Марья. — Как он и говорил.

— Да, — кивнула Лукерья. — И если он соберёт достаточно перьев, он сможет это сделать.

Тихон нахмурился.

— Но разве это плохо? Разве плохо, если не будет чудес? Если не будет опасностей?

— Плохо, — твёрдо сказала Лукерья. — Потому что без чудес не будет и надежды. А без надежды люди перестают верить, что могут что-то изменить.

Марья закрыла книгу и посмотрела в окно. Солнце светило ярко, но на горизонте собирались тёмные тучи — не обычные дождевые, а какие-то тяжёлые, будто наполненные не водой, а предчувствием.

— Нужно найти ещё одно перо, — вдруг сказала она. — Если охотник собирает их, значит, где-то падает ещё одно. И если мы его найдём раньше него, у нас будет шанс что-то изменить.

Лукерья и Тихон переглянулись.

— Где? — спросил Тихон.

— Не знаю, — призналась Марья. — Но обруч на моём запястье иногда шепчет. Может, он подскажет.

Она надела обруч, и шёпот тут же стал громче — не словами, а скорее направлением: будто ветер тянул её в одну сторону, настойчиво, но не грубо.

— Туда, — сказала Марья, показывая на север, где лес становился гуще, а тропинки исчезали. — Туда, где граница тоньше всего.

— К Чёрному болоту, — тихо произнесла Лукерья. — Туда никто не ходит. Говорят, там земля помнит старые имена.

— Значит, пора сходить, — сказала Марья. — Если мы хотим понять, как удержать мир, нужно узнать, как он начинал рассыпаться.

Они собрали самое необходимое: хлеб, соль, клубок ниток (на случай, если придётся искать дорогу), склянки с травами и старый компас, который, по словам Лукерьи, «иногда показывает не север, а правду».

Когда они вышли за околицу, село провожало их молчанием. Даже собаки не лаяли, будто знали: сегодня люди идут туда, где слова имеют особую силу.

На краю поля к ним подбежала маленькая девочка — внучка бабки Настасьи.

— Тётя Марья! — крикнула она, протягивая маленький букетик полевых цветов. — Бабушка сказала, что вам это пригодится. Она говорит, что цветы помнят солнце, даже когда темно.

Марья улыбнулась и взяла букетик.

— Спасибо, — сказала она. — Передай бабушке, что мы вернёмся. И что огурцы пусть растут как хотят — главное, чтобы мир остался целым.

Девочка кивнула, будто поняла что-то большее, чем про-

сто слова, и побежала обратно к дому.

Тропа к Чёрному болоту была узкой и заросшей, будто сама земля не хотела, чтобы по ней ходили. Но Марья шла вперёд, чувствуя, как перо в ладанке пульсирует в такт её шагам, а обруч шепчет, подсказывая, где свернуть, где остановиться, где прислушаться.

Когда они подошли к болоту, воздух стал тяжёлым, будто пропитанным воспоминаниями. Туман стелился по воде, скрывая кочки и корни, а где-то вдалеке слышался тихий, протяжный звук — то ли пение, то ли стон.

— Здесь, — прошептала Лукерья. — Здесь граница тоньше всего.

Марья остановилась и закрыла глаза. Обруч на запястье вдруг стал горячим, а в ушах прозвучали слова, которые она не могла разобрать, но смысл которых поняла сразу: «Смотри не глазами, а сердцем. То, что ты ищешь, не прячется. Оно ждёт».

Она открыла глаза — и увидела, как над болотом, прямо над самой тёмной водой, вспыхнул слабый золотистый свет. Он был похож на перо, но не лежал на поверхности, а висел в воздухе, будто парил, не касаясь воды.

— Там, — тихо сказала Марья. — Ещё одно перо.

Тихон сжал кулаки.

— И охотник тоже где-то рядом, — прошептал он. — Я чувствую.

Лукерья достала из сумки склянку с солью и бросила ще-

потку в туман. Туман на мгновение расступился, и в просвете мелькнула тёмная фигура — та самая, в плаще с капюшоном. Охотник стоял на другом берегу болота и смотрел прямо на них.

— Он ждёт, — сказала Лукерья. — Он знает, что ты придёшь.

Марья глубоко вздохнула. Её первый серьёзный выбор уже изменил мир. Теперь ей предстояло сделать второй — и от него зависело, станет ли мир плоским и безопасным… или останется живым, непредсказуемым и полным чудес.

— Пойдём, — сказала она, делая шаг к болоту. — Мы не позволим ему забрать ещё одно перо.

Глава 5. Попытка достать перо и неожиданная помощь

Марья шагнула к болоту, и земля под ногой тут же ушла куда-то вбок, будто не хотела её пускать. Она едва удержалась, схватившись за корягу, торчавшую из мха, как старый, кривой зуб.

— Стой! — Тихон рванулся вперёд и успел подхватить её за локоть. — Тут кочки обманные. Наступишь — и болото тебя само потянет вниз.

Марья выдохнула, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла.

— Спасибо, — прошептала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — А то я уже мысленно прощалась с лаптями.

Лукерья, стоявшая чуть позади, прищурилась, вглядываясь в туман.

— Перо висит над самой глубокой частью, — сказала она. — Там, где вода чёрная, как смола. И оно не просто висит — оно держится на чём-то невидимом. На силе, которая не даёт ему упасть.

— Или не даёт нам его взять, — мрачно добавила Марья.

Обруч на запястье вдруг дёрнулся, будто подтолкнул её: «Не стой. Делай». И в шёпоте, который теперь звучал почти

как голос, она расслышала: «Иди по следам того, кто не боится промокнуть».

Она посмотрела на Тихона.

— Ты говорил, что умеешь уговаривать коней… а болота умеешь?

Он криво усмехнулся.

— Не пробовал. Но если надо, попробую и это.

Лукерья достала из сумки клубок ниток и протянула Марье.

— Держи. Пусть один конец будет у тебя, другой — у Тихона. Если кого-то потянет вниз, второй удержит. А я буду здесь, на твёрдой земле. Если что — крикну.

Марья кивнула, взяла клубок и крепко намотала конец на запястье. Тихон сделал то же самое. И они шагнули на первую кочку.

Кочка дрогнула, как живая, но выдержала. Потом вторая, третья… С каждым шагом туман становился плотнее, а воздух — тяжелее, будто они шли не по болоту, а сквозь чьё-то медленное, глубокое дыхание.

Перо горело впереди тусклым золотым светом, словно маленькая звезда, забытая в этом сыром, тёмном месте. Оно висело в полуметре над водой, чуть покачиваясь, будто дразнило: «Подойди, попробуй».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.